
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.161.1-1.09(Р473.8)«18»

И.В. Грачёва

РЯЗАНЬ В ПОЭЗИИ А.В. АНТОНОВА

Статья является результатом изучения материалов Государственного архива Рязанской области, связанных с литературной и общественной деятельностью рязанского купца А.В. Антонова. В рукописях Антонова, помимо черновых вариантов басен и лирических стихотворений, вошедших в изданные сборники, сохранилось немало стихотворных набросков, незавершенных или вовсе не предназначавшихся для печати. Особенно интересными с точки зрения регионального краеведения представляются поэтические заметки о жизни Рязани середины XIX века, о провинциальных порядках и нравах, о влиянии эпохи реформ на социально-бытовой уклад губернского города. В этих заметках раскрываются не только особенности мировосприятия поэта, но и его талант сатирика-бытописателя. Работа с рукописями Антонова осложняется тем, что большинство упоминаемых имен современников автор из осторожности зашифровал или изменил. Поэтому чаще всего приходится лишь догадываться, чьи портреты он рисует и о каких ситуациях идет речь. Приведенные в статье архивные материалы публикуются впервые.

А.В. Антонов, поэзия, рукописное наследие, сатирические мотивы, Рязань середины XIX века, городская жизнь, портреты современников.

Александр Васильевич Антонов (1825–1893) – рязанский купец и общественный деятель, несколько раз избиравшийся городским головой, был и литератором, писал лирические стихи, басни, пьесы. Большой интерес представляют его мемуары, рассказывающие о рязанских купеческих нравах XIX века ¹. Первой публикацией Антонова стало стихотворение «Вечер на берегах Трубежа», напечатанное в 1849 году в журнале «Сын Отечества». С проникновенным лиризмом рисует он вид, открывавшийся с набережной Рязанского кремля:

Сокрылся царь весны за дальними горами,
Оделся небосклон прозрачной темнотой;
Зайскрился восток блестящими звездами,
И запад занялся пурпуровой зарей.
Вечерняя роса, долины покрывая,
Туманом стелется по зелени лугов;
И Трубеж катится, спокойно отражая
Крутые берега, ряд храмов и домов.
Умолкнул шум дневной, приметно затихает
Отрада вечера – прохладный ветерок;
И ярко, весело, вдали дымясь, пылает
На низком берегу рыбачий огонек.
Картина скромная спокойствия природы!
О, как тебя всегда я пламенно любил!
Как часто на тебя смотреть в былые годы

---

¹ Грачёва И.В. Жизнь рязанского купечества первой половины XIX века по запискам А.В. Антонова // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / под ред. Б.В. Горбунова. Рязань : РИРО, 2013. Т. 34. С. 50–54.

Я в юности с душой веселой приходил! ²

Следует отметить, что автору в это время было лишь 24 года, и элегические вздохи об ушедшей юности – явная дань литературной моде. В это же время было написано стихотворение «Вечер на Павловке». На небольшой речке Павловке под Рязанью у села Храпово у Антоновых была мельница. Удачным оказался лишь лирический пейзаж, открывающий стихотворение:

Сумрак вечера ложится
На долины меж холмов;
Тихо Павловка струится
Меж зеленых берегов.
Светит небо над рекою
Скромной вечера зарей,
И над рощей вековой
Всходит месяц молодой.

Далее следовали банальные сожаления, что нельзя, подобно соловью, улететь под окошко к милой и в самозабвенной песне поведать ей о своих чувствах ³. Характерно, что оба пейзажа – вечерние. Уже с 14 лет Александр работал в купеческой лавке, помогая отцу во всех делах. И только вечером он мог побыть наедине со своими думами и мечтами, полюбоваться природой, тайком от всех заняться поэзией.

К сожалению, наиболее интересные поэтические отрывки, рисующие облик Рязани середины XIX века, остались в рукописях Антонова. Среди них стихотворная повесть «Мещанка», которую автор так и не закончил ⁴. Видимо, «Мещанка» была для Антонова заветным замыслом. Отдельные отрывки из нее он публиковал в своих сборниках, не дожидаясь завершения повести.

В рукописях поэта немало колоритных и в то же время ироничных описаний рязанской жизни:

Как между двух гор высоких
Лыбедь – реченька бежит.
На горах на тех высоких
Рязань-матушка стоит.
В той Рязани близ Лыбедки,
Близ дороги столбовой
Разудалые красотки
Поселились слободой.
В той слободушке веселье,
Всем молодчикам приман,
Там приятство без похмелья,
Там кутеж идет...
Холуи, купцы, лакеи
Там, солдаты, кучера
С вечеринки до утра.
Хороши девчонки наши
В той слободушке живут,
Маши, Дунюшки, Любаши
Хоть кого с ума сведут.
Да и много прокутились
Там удалых молодцов,
Щеголять затем пустились
Без сапог и без штанов ⁵.

Несмотря на то что подобные наброски не всегда гладко отделаны, часто не завершены, они представляют ценность уже потому, что мемуарных свидетельств о Рязани того времени крайне мало.

---

² Сын Отечества. 1849, май. С. 1–2.

³ Антонов А.В. Стихотворения. М., 1864. С. 34–35.

⁴ Грачёва И.В. Наследие А.С. Пушкина в культурно-исторической жизни Рязани середины XIX века: поэзия А.В. Антонова // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. 2015. № 4. С. 117–120.

⁵ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 869. Оп. 1. Д. 595. Л. 10–10 об.

Приметой наступающей зимы служило появление на улицах Рязани крестьян из подгородного сельца Борки, занимавшихся извозом:

Едва снежком запорошились
Полотна здешних мостовых,
То в тот же самый день на них
Из Борок «ваньки» появились
На клячах тощеньких своих ⁶.

На благоустройство бульвара вдоль Соборной улицы для гуляний «чистой публики» Антонов откликнулся эпиграммой:

Для ходьбы людям бульвар,
Для скотов середка,
Сыр голландский для бояр,
Для купцов селедка ⁷.

Реконструкция городского сада на Астраханской улице при губернаторе П.П. Новосильцеве послужила темой для стихотворения «Разговор в кадрили». Танцую с манерной купеческой девицей и стараясь занять ее приятным разговором, рассказчик спрашивает, любит ли она природу. Та восторженно отвечает:

Ах, как люблю, всем сердцем, всей душой,
Я, знаете, в хорошую погоду
По праздникам, особенно весной
Хожу гулять в публичный сад с сестрой.

Но выясняется, что ее привлекает вовсе не природа (сад был очень небольшой), а возможность увидеть новые моды, познакомиться с дворянскими вкусами, которые стали ориентиром для купеческой среды:

...в саду бывает
Премножество народа завсегда,
И музыка военная играет
По праздникам, и даже господа
Нередко там танцуют вечерами... ⁸

В 1854 году отец поэта, городской голова, купец 2 гильдии, Василий Егорович Антонов за свой счет оградил сад новой железной решеткой с коваными воротами ⁹. Героиня стихотворения, рассказывая кавалеру, когда она бывает в саду, дает ему кокетливый намек на возможность свиданий.

Для Рязани 1850-й год был богат событиями. Ранее, в 1847 году, возникло Рязанское общество охотников конского бега. За Владимирской заставой, недалеко от речки Дунай (сейчас исчезнувшей) устроили ипподром со специальной беседкой для судей. Бега проводились в июле или первой половине августа. В 1850 году происходил розыгрыш Императорского приза (помимо специальных призов от вице-президента, членов Общества, а также частных лиц). В этом же году 15 августа начала работу выставка достижений сельскохозяйственной и кустарно-промышленной отраслей, проходившая с большим успехом. Кроме Рязани, в выставке участвовали производители Тульской и Воронежской губерний. В отчете сообщалось, что «помещение выставки было в доме купца Колесникова, занимаемом обыкновенно Дворянским собранием». Выставка, открывшаяся «торжественным молебствием с водоосвящением, ежедневно была наполнена многочисленной публикою всякого класса людей» ¹⁰. Бывший дом купца А.С. Колесникова находится на углу улиц

⁶ Там же. Д. 601. Л. 45 об.

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Там же. Д. 600. Л. 26 об.–27.

⁹ Седов М.А. Из прошлого рязанского городского парка // Четвертые Яхонтовские чтения : материалы науч.-практ. конф. Рязань : РИАМЗ, 2008. С. 458–459.

¹⁰ Записки Лебединского общества сельского хозяйства. М. : Унив. тип., 1851. С. 31.

Астраханской и Свободы (бывшей Владимирской). Для выставки он был удобен потому, что весь периметр первого этажа состоял из помещений, предназначенных под лавки, усадьба имела обширный двор с хозяйственными постройками, которые тоже приспособили под выставочные цели. На выставке можно было приобрести приглянувшуюся продукцию. В первое же утро раскупили деревянные кадушки государственного крестьянина Макеева из села Гавриловского Спасского уезда. Они были сделаны так добротнo, что «с трудом можно было отыскать шов во внутренности посуды». Макеев удостоился за свои изделия серебряной медали. Простая публика растрогалась до слез, когда мужик в сером кафтане вышел получать награду: «Будем помнить долго, что и в лаптях получают серебряные медали»¹¹. В рукописях А.В. Антонова есть стихотворные отрывки, помеченные датой 22 августа 1850 года и отразившие его впечатления от скачек и выставки:

Пусть наездники гоняют
Там на беге жеребцов,
И на них, дивясь, зевают
Кучи пестрые глупцов.
Пусть там члены, президенты
В синей будочке сидят
И про призы, про патенты
Про лошади говорят.
Пусть на выставке черкасской
Буйвол публику дивит,
И помещик Бабин рясской
Всех наградами дарит.
Пусть там Фёдор со свечами
В храм бессмертия идет,
И Петрушка с огурцами
Себе славу создает.
Пусть вороной зазывает
К себе Фирсов дураков,
И делами удивляет
...ов новых подлецов.
Не завидую я славе
И ничтожным их делам.
И зато смеяться вправе
Света пошлым суетам¹².

И все-таки чувствуется, что публичный успех других задел самолюбие Антонова, чьи таланты в Рязани не получали признания. На выставке героем дня стал помещик Иван Александрович Бабин, известный в России сельскохозяйственный деятель, чьи имения находились на реке Становая Ряса. Он основал Данковское общество любителей скотоводства, издавал книги и пособия по животноводству, у себя в имениях устраивал съезды сельских хозяев, деливших своим опытом, на выставках учреждал именные призы. Представил он в Рязани не буйвола, а громадного красивого быка Нигро швейцарской породы, адаптированной к русским условиям. Комитет Рязанской губернской выставки постановил «снять портрет с швейцарского быка Нигро, предпродолжить в Лебедянское общество сельского хозяйства», чтобы местные землевладельцы могли покупать у Бабина племенных бычков¹³. Даже спустя десять лет М. Баранович, составлявший статистическое описание Рязанской губернии, вспоминал успех этого хозяина: «Помещик Бабин получил первый приз (золотую медаль) за усовершенствованную им ферму тирольской породы скота»¹⁴. Определить других упомянутых Антоновым лиц сложнее. Можно предположить, что «Фёдор со свечами» – это купец Фёдор Рюмин, основавший в начале XIX века в Рязани один из первых сальносвечных заводов¹⁵. Затем это производство продолжили другие представители данного рода. В 1850 году среди рязанских владельцев свечных заводов имя Фёдор не встретилось. Неясно, кого из купеческой семьи

¹¹ Там же. С. 32–33.

¹² ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 600. Л. 24–24 об.

¹³ Записки Лебедянского общества сельского хозяйства.

¹⁴ Баранович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. С. 222.

¹⁵ Кусова И.Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI – начала XX века. Рязань : Март, 1996. С. 56.

Фирсовых имел в виду Антонов. Фирсовы содержали солодовый и пивоваренный заводы, каретную мастерскую с кузницей, торговые лавки, даже публичные дома, прозванные горожанами «Фирсовка» и «Кавказ». Возможно, в лавки и привлекала посетителей дрессированная ворона. Не удалось выяснить, кто такой «Петрушка с огурцами». На выставке 1850 года огородной продукции было мало. Тыквы, огурцы и кукурузу привез некий «господин Шенковский» из Спасского уезда. Но Антонов писал о ком-то из мещанско-купеческой среды.

Зашифрованная фамилия «...ов», возможно, могла читаться как Фролов. Мещанин Егор Андреевич Фролов, удачно женившийся на 16-летней дочери солидного купца Н.И. Гордеева Пелагее, записался в рязанское купечество и вскоре действительно удивил горожан своей оборотистостью, нередко граничившей с мошенничеством. В 1841 году Фролов с компаньоном Н.В. Игнатьевым за бесценок купил с аукциона каменные лавки Гостиного двора на углу Астраханской и Владимирской улиц. Над ними возвели второй торговый этаж, обустроили полковую церковь. Но Фролов, видимо, надул компаньона, который начал жаловаться на него городским властям¹⁶. Особенно Фролов развернулся со второй половины 1850-х годов. Он начал скупать обширные городские усадьбы с большими домами, причем нередко гораздо ниже их реальной стоимости. Затем подновленные помещения предлагал властям арендовать или выкупить под различные городские нужды. Не стесняясь действовать в обход всех законов, Фролов умел представить дело так, будто он заботится о благе общественном, и при этом получал хорошие барыши. На избрание Фролова в 1860 году городским головой А.В. Антонов откликнулся эпитаграммой:

Не дивись, что плут великий
Стал [рязанск]им головой.
Ведь и Гришка с год владыкой
Был над русскою землей.
Но проклятью и позору
После выдан был подлец.
Посмотрите – и [Ег]ору
Будет равный с ним конец¹⁷.

В самом деле, в 1863 году Фролов оказался под судом за незаконные махинации с казенными средствами, но сумел вывернуться¹⁸. На посту городского головы его сменил сам А.В. Антонов.

В мемуарах Антонов с осуждением рассказывает об изменении нравов рязанской патриархальной купеческой среды в 1850-е годы. Купцы в одежде, в образе жизни старались подражать дворянам, облачились во фраки, надели цилиндры, но в интеллектуальном и нравственном отношении продолжали оставаться «темным царством». Вместе со стремлением щегольнуть своей «светскостью» развилось соперничество в показной, неумеренной роскоши, многие жили не по средствам, «банкротство стало вещь обыкновенная, то и дело печатали купеческие лавки»¹⁹. В стихотворных набросках Антонова появляются сатирические портреты:

На санках высоких Рубцов наш сидит
И гордо на мир весь подлунный глядит.
А чем он гордится? бекешей, конем
И шляпою черной, надетой на нем.
К началу ж, сего замечанья вдобавок,
Его биографью извольте для справок:
Он родом стекольник, по виду портной,
По званью чепешник, по мыслям мальчишка,
По роду же жизни негодный шальчишка,
Изгнанный из дому своею женой!²⁰

---

¹⁶ Седов М.А. «Бездомная» дума: из истории рязанской городской недвижимости // Пятые Яхонтовские чтения : материалы науч.-практ. конф. Рязань : РИАМЗ, 2010. С. 121–122.

¹⁷ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 600. Л. 50 об.

¹⁸ Седов М.А. «Бездомная» дума ... С. 117.

¹⁹ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 147. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 600. Л. 22 об.

«Чепешником» называли деревянную болванку, на которой делали или выставляли в витринах дамские чепцы, а также именовали торговца этим товаром. Видимо, речь идет о купце Петре Николаевиче Рубцове и его супруге Прасковье Кузьминичне. В ту пору их семейство первенствовало среди своих многочисленных родичей. В семье преимущественно владела жена – владелица большой усадьбы на Мальшинской улице с двухэтажным деревянным домом и двумя флигелями, оцененной в 2 880 рублей. Дом ее мужа в Бутырской слободе стоил всего 146 рублей ²¹. Рубцовы держали лавку в Суконных рядах на Астраханской. Возможно, поэтому Антонов сравнил Петра Николаевича с портным. М.Д. Бутурлин сообщал, что в конце 1850-х годов Рубцовы имели самый престижный магазин дамских мод и головных уборов ²². В 1860-е годы Прасковья Кузьминична сама возглавила торговое дело в качестве купчихи 2 гильдии. Доход давал ей и питейный дом, содержавшийся крестьянином И. Ананьевым в ее усадьбе.

Стихотворение «Стансы» (1849) адресовано Ф-ву. Расшифровка фамилии угадывается по первой же строчке – Филатов:

Было время, ваш Ф ... атов
Был и славен, и богат;
Ныне ж стал базарных хватов
Он оборванный собрат.
Было время, он в Рязани
Добрый, честным малым слыл
И всегда на первом плане
Меж купцов рязанских был.

<...>

Было время, вечеринки
Он на славу задавал
И, одетый по картинке,
По Рязани разъезжал.
Ныне ж в старых калошишках
И в капотишке худом
И в изорванных штанишках
Он уж бегаёт пешком.

<...>

Отчего ж он промотался
И ничтожным стал таким?
Оттого, что он связался
Все с народишком пустым.
Оттого, что правду, веру,
Честь и совесть он забыл
И Степанову мадеру
Всей душою полюбил! ²³

Родоначальником купеческой династии Филатовых был Прокофий Матвеевич Филатов, из экономических крестьян села Коростово, в 1825 году записавшийся в 3 гильдию. Он занимался «по подряду сплавам на своих судах разного рода товаров» и в 1837 году предьявил самый солидный капитал среди рязанского купечества – 150 тысяч рублей ²⁴. У деда А.В. Антонова Егора Васильевича в это время было 100 тысяч. Затем Филатов стал крупным хлеботорговцем. Скончался он в 1844 году. «Стансы», видимо, повествуют о судьбе его единственного сына Фёдора Прокофьевича. От отца ему досталось солидное состояние. Он имел мучные лавки в Гостиных рядах Московской части, двухэтажный красивый дом на Соборной улице с пекарней и торговыми лавками (ныне Соборная, 46), крупный капитал. Упоминание о погубившей его «Степановой мадере» связано с существовавшей в первой половине XIX века на Почтовой улице гостиницей Степана Никитича Крестьянова. В рассказе Н.Ф. Павлова «Именины» (1835) читаем: «Кто проезжал Рязань, тот, верно, знает Степана Никитича; тот, верно, останавливался у него и слышал, как он хвастает своей мадерой» ²⁵. (За подсказку

²¹ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 174. Л. 45 об., 120 об.

²² Бутурлин М.Д. Записки : в 2 т. М. : Русская усадьба : Любимая книга, 2006. Т. 2. С. 228.

²³ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 600. Л. 21–22.

²⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

²⁵ Павлов Н.Ф. Сочинения / сост., авт. послесл. и примеч. Л.М. Крупчанинов. М. : Советская Россия, 1985. С. 7.

благодарим сотрудника Государственного архива Рязанской области (ГАРО) Д.Ю. Филиппова.) Фёдор Филатов скончался в 1855 году в возрасте 56 лет «от чахотки». Но, видимо, и пристрастие к спиртному сыграло тут не последнюю роль. Его наследник Павел Фёдорович в 1858 году лишился единственного сына Петра, и к концу XIX века эта фамилия исчезла из купеческих списков.

В 1859 году А.В. Антонов пишет о важном для Рязани событии – начале строительства железной дороги, которая заняла часть земельных владений Троицкого мужского монастыря. Открытие этой дороги могло во многом изменить сложившуюся иерархию купеческих доходов и авторитетов. В выигрыше оказывались поставщики сельскохозяйственной продукции, получив возможность быстро доставлять свой товар туда, где цены были выше. Зато создавалась угроза торговой монополии тех, кто продавал привозные модные промышленные изделия и предметы роскоши. Антонов писал:

Недаром вы молились Богу,
Толпы рязанских мучников.
Ведут железную дорогу
У здешних Троицких задов.
Теперь адье мадам Рубцова
С депо корсажей и чепцов,
И с кучей вздора выписного
Ненашев, Фефелов, Фролов.
Довольно вы попиrowали
За счет бонтонных наших дам,
Довольно золота побрали
За стекла, медь и модный хлам...²⁶

Вновь упоминается Е.А. Фролов, который первенствовал в торговле «панским товаром» в Гостиных рядах на Астраханской улице, и Рубцова с «чепешными» модами. Спасский купеческий сын Капитон Алексеевич Фефилов (Фефелов) с 1843 года переписался в рязанское мещанство и вскоре вошел в городской купеческий круг, женившись на Марии Николаевне Логиновой. Ее мать вдова-купчиха Александра Дмитриевна (урожденная Бровкина), приходившаяся сестрой матери А.В. Антонова, владела салотепеным и сальносвечным заводами. Ненашевы имели свою бойню и вели торговлю в Мясных рядах на Астраханской улице. В середине 1850-х годов Александр Ильич Ненашев, а также К.А. Фефилов, Е.А. Фролов и другие получили разрешение на торговлю золотыми и серебряными вещами. Фефилов взял в аренду «лавку под домом купца Матвея Подгорного на Почтовой улице»²⁷. Но, видимо, Антонову было известно, что продавцы порой грешили, сбывая по дорогой цене поддельный товар («стекла, медь»). В мемуарах он рассказывал, что в начале XIX века в Рязани было всего две галантерейные лавки, а к 1860 году «магазинами дамских уборов и модными портными были наполнены Большая (Астраханская. – *И. Г.*) и Почтовая улицы»²⁸. Но с увеличением числа торговых конкурентов скудели и купеческие капиталы. В набросках поэта 1860-х годов читаем:

Все улыцы лавки наполняют,
И в оных лавках торгаши
Едва живые прозябают,
Сбирая с публики гроши...²⁹

С неодобрением А.В. Антонов пишет, что и мещане, вслед за купцами, стремились подражать дворянским модам, что те и другие, не получив никакого образования, с апломбом берутся рассуждать о делах внутренней и европейской политики, мало что в этом понимая:

Теперь уж олух не боится
Публично глупости болтать,
Мужик-невежа не стыдится
Во фраке модном щеголять!

<...>

²⁶ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 600. Л. 39–39 об.

²⁷ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 272. Л. 4.

²⁸ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 147. Л. 5.

²⁹ Там же. Д. 595. Л. 9.

Ныне все почти портные,
Все лакеи, кучера
Носят брюки расписные,
Носят головы смазные,
Трут варшавского бобра ³⁰.

В то время мужские бобровые воротники были в моде, свидетельствуя о щегольстве и состоятельности их владельца. Вспомним пушкинского «Евгения Онегина»: «Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник». В повести Я.П. Полонского «Медный лоб» (1862) маленький чиновник Христофорский, мечтая жениться на богатой невесте, «воображая себя едущим в коляске, подле сидит жена в его салопе, а у него бобровый воротник подпирает уши» ³¹. Привозные изделия считались более престижными, хотя часто оказывались подделкой. «Брюки расписные» – то есть разных цветов (порой и из модных тканей в узенькую полоску), что ранее в купечестве считалось предосудительным.

Эпоха реформ повлияла на все сферы русской жизни. Начались нововведения и в образовательной системе духовных училищ и семинарий, что сказалось на улучшении быта их учеников. Антонов, сам выученный за гроши семинаристом, с иронией писал о выпускниках рязанской семинарии нового времени:

Когда они поменьше ели,
По-русски баять не умели,
А как получше кушать стали –
И по-французски заболтали ³².

Своеобразным лейтмотивом в рукописях А.В. Антонова проходят сатирические выпады против чиновничества. Вот одна из эпиграмм:

Тянись хотя из всех лопаток,
Считай на службе жизнь за грош,
Но если брать не будешь взяток,
Как цвет без дождичка умрешь ³³.

В стихотворении «Отставной столоначальник» (1858) комично описываются страдания крупного чиновника, неожиданно оказавшегося в отставке. Он вспоминает, как раньше все униженно пресмыкались перед ним, какие щедрые подношения сыпались в его карманы и как разгульно он пировал:

Вины с шипом под звездами
Я, как квас грушовый, пил;
У Мартынова с друзьями
Ночи целые кутил.

А теперь ему даже не кланяются на улице, живется скудно, а чтобы напиться с тоски, средств хватает лишь на дешевый кабак:

Ох ты, горе, горе, горе!
Обуяло ты меня.
Эх, когда бы было море,
Утопился б сразу я.
Но на горе нет в Рязани
И морей-то никаких,
Здесь лишь много только дряни
Да подъячих отставных! ³⁴

---

³⁰ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 595. Л. 21–22.

³¹ Полонский Я.П. Лирика. Проза / сост. В.Г. Фридлянд. М. : Правда, 1984. С. 541.

³² ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 595. Л. 26 об.

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ ГАРО. Ф.1317. Оп. 1. Д. 17. Л. 9 об., 2 об.

В стихотворении упоминается купец Иван Макарович Мартынов, который в 1850-е годы содержал в Московской части питейный дом с лавкой, видимо пользовавшийся популярностью у рязанцев. Судя по стихотворению, у него водилось и дорогое марочное шампанское.

В одном из набросков А.В. Антонов вспоминает легенду-притчу об Александре Македонском, послужившую основой для стихотворения поэта XVIII века С. Полоцкого «Разбойник»:

Мне помнится, что в детски лета
В какой-то книжке я читал,
Что славный Александр, всего воитель света,
Разбойника тож славного поймал.
– Кто ты такой? – спросил вселенной победитель;
– Твой брат по ремеслу, – покойно отвечал
Ему остряк грабитель.
– Как брат! – Да так, лишь с разницею той,
Ты царства грабишь здесь и вписан в полубоги,
А мне назначено судьбой
Прохожих грабить на дороге
И часто нянчиться с сумой...

Но эта легенда служит лишь прелюдией к рассказу о рязанской действительности:

Я был вчера в суде. О Боже мой, создатель!
Какой же правды друг наш старший заседатель,
Как гонит страшно он всех взяточников род!
Что слушая его проклятья и угрозы
И видевши ему писцов подвластных слезы,
Невольню вспомнил я сей древний анекдот!³⁵

В 1851 году скончался рязанский губернатор П.С. Кожин, человек желчный, резкий, вспыльчивый, сумевший восстановить против себя все рязанские сословные круги. Недаром на одной из карикатур П.М. Боклевского Кожин предстает в виде разъяренного быка, готового броситься на любого, кто попадетсЯ. На его место был назначен Пётр Петрович Новосильцев, в начале казавшийся доброжелательным и любезным. Однако напрасно ждали рязанцы, что он защитит их от помещичьего произвола и коррумпированного чиновничества, водворит в губернии порядок и справедливость. Новосильцев не любил заниматься делами, зато беззастенчиво пользовался своим высоким положением так же, как и другие. Разочарование рязанцев отразилось в басне Антонова «Волк, лисица и хомяки» (1857). Воеводой над хомяками

Был старый серый волк по имени Бирюк,
Подвластными ужасно нелюбимый
Затем, что был такой угрюмый, нелюдимый,
Что просто вон из рук.

После отчаянных молений хомяков царь зверей Лев прислал им на воеводство лисицу. Та вначале обворожила всех вкрадчивой ласковостью. Но вскоре выяснилось, что она под разными предложениями избегает утруждать себя разбором обывательских просьб и жалоб, к тому же имеет привычку брать займы без отдачи. Мораль басни: показной предреформенный либерализм властей мало чем отличается от старорежимных административных нравов:

Уж ныне взяток не берут,
А только деньги занимают,
Но их платить позабывают
И век на счет чужой живут.

В заключение Антонов поизносит:

О Господи, спаси от ласковых друзей,
Больших бояр, больших судей!³⁶

³⁵ Там же. Д. 18. Л. 8 об.

³⁶ Антонов А.В. Басни : кн. 1–3. Рязань : Губ. тип., 1867. С. 27, 30–31.

Видимо, и ему приходилось расплачиваться за губернаторскую «ласковость». В эпиграмме 1857 года он пишет:

Если в праздник годовой
Барин вздумает большой
К нам билетик свой визитный
С камердинером прислать,
Верно, хочет он кредитный
За него билетик взять³⁷.

Особенно любопытна история стихотворения, которое вначале посвящалось отставке Новосильцева (1858):

Давно мы ждали с нетерпением
Отъезда вашего от нас.
И вот, о радость, восхищенье,
Пришел давно желанный час.
Ура! Рязань, наш город милый,
Взял ум над глупостию верх,
В отставку наш гудочник хилый,
И к нам назначен Кл[инген]берг³⁸.

Характеристика «гудочник хилый» объяснялась слабым здоровьем, тщедушным сложением Новосильцева и в то же время пристрастием к различного рода увеселениям, которые устраивала его супруга Мерепа Александровна. В повести Н.Д. Хвоцинской «Пансионерка» (1860) рисуется Рязань этого времени и Веретицын с иронией говорит о губернаторше: «Ведь у нее на уме все балы с переодеваниями да благотворительные спектакли». Каждого представленного ей человека она стремилась привлечь к своим затеям и Веретицына сразу же засыпала вопросами: «нет ли за мной каких талантов, не пою ли я, не играю ли хоть на гудке»³⁹.

Слабостью Новосильцева было стремление «молодиться», на балах он увлеченно ухаживал за дамами и пускался в быстрые не по возрасту танцы. Антонов считал, что губернатор и в бальном зале должен хранить достоинство:

Прямой начальник – не забудет
Он сан и пост высокий свой,
И, как публичный шут, не будет
Скакать он с бабами козой.

Вспоминается в стихотворении и скандальный эпизод, когда Новосильцев из гостей заехал «донельзя пьяный» в губернское правление, всполошив чиновников, вообразивших, что начальство явилось с неурочной проверкой. Но оказалось, что патрон просто ищет ретирадное место. От нового губернатора, как водится, ожидали всего того, чего не дождались от Новосильцева:

При нем святой закон проснется,
Мгновенно правда оживет,
Судья ленивый встрепенется,
Судья бессовестный вздрогнет.
При нем потупит наглость взоры,
Очистит пьянство мутный взгляд
И со стыдом забьются в норы
Беспутство, тупость и разврат.

<...>

Он, умным будучи, глупцами
Купцов р[язански]х не сочтет,
И верных царских слуг свиньями
С похмелья он не назовет.
Имея совесть, без сомненья –

³⁷ ГАРО. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

³⁸ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 600. Л. 30–31 об.

³⁹ Хвоцинская Н.Д. Повести и рассказы. М. : Худож. лит., 1963. С. 96.

Не будет он бесстыдно лгать,
Сулить такие награждения,
Каких не в силах будет дать.
Без платы в долг он брать не станет
По лавкам мясо для котлет
И с мещанина не потянет
Себе алтына на обед.

<...>

При нем Рязань родная снова,
Стряхнувши сонный, грязный вид,
Как в дни правленья Балашова,
Красою прежней заблестит ⁴⁰.

Сам А.В. Антонов не мог по достоинству оценить правление А.Д. Балашова, так как во время его отъезда купеческому сыну было всего три года. Но и спустя полвека Рязань хранила добрые воспоминания о Балашове. Сменивший Новосильцева Клингенберг не оправдал надежд рязанцев, и в рукописи Антонова рядом с посвящением «Н-ву» (Новосильцеву) появилась приписка «и К-гу» (Клингенбергу). Была сделана вставка:

Но кто же будет воевода
Страны Рязанской городов?
Я слышал, муж из славна рода,
Правдивый, честный Мур[ав]ьев ⁴¹.

Но и Н.М. Муравьев оказался не лучше своих предшественников. Губернатора, при котором процвела бы Рязань, Антонов так и не дождался. Недописанное стихотворение было заброшено.

При Новосильцеве Антонову тоже, видимо, приходилось нести тягостную для него «увеселительную» повинность. Недаром в этом стихотворении поэт жаловался, что тот «таланты с гаерством мешал». У Антонова есть наброски к «Афише 1853 года 1 января», вероятно, посвященные новогоднему танцевальному вечеру, в котором принимало участие и купечество:

Мы люди политичные
Из первых здесь сортов:
Танцоры преотличные
Из Красненьких рядов.
Мы всю кадрель французскую
Умеем танцовать,
А к случаю и русскую
Готовы отхватать.
Мы в польках отличаемся
Не хуже петухов,
В галопах-то толкаемся
Чувствительней козлов.

Эпиграфом служили строки:

Воспоил, воскормил
Нас трактир пановский,
Танцовать научил
Брадобрей московский ⁴².

Пановы, выбившиеся из мещан в купечество, держали огороды на окраине Рязани в Астраханской части, торговали овощами, к середине XIX века имели несколько домов в Рязани и, как свидетельствуют стихи Антонова, содержали трактир, популярный в купеческих кругах.

---

⁴⁰ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 600. Л. 30–31 об.

⁴¹ Там же. Л. 30.

⁴² ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 600. Л. 16–16 об.

А.В. Антонову пришлось писать стихи в альбом дочери Новосильцева Софьи. Когда Новосильцев приехал в Рязань, ей было около пяти лет. В стихотворении «Первый цветок», включенном в сборник поэта 1864 года с подзаголовком «В альбом С.П. Н-вой», поэт сравнил Софью с весенним цветком, раскрывающимся навстречу солнцу.

Стихотворные заметки А.В. Антонова о жизни и нравах Рязани середины XIX века не предназначались для печати. Они несут неприукрашенную информацию с любопытными бытовыми подробностями и в то же время отражают особенности авторского мировосприятия и отношения к окружающей действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, А.В. Басни [Текст] : кн. 1–3. – Рязань : Губ. тип., 1867. – 152 с.
2. Антонов, А.В. Вечер на берегах Трубежа [Текст] // Сын отечества. – 1849, май. – С. 1–2.
3. Антонов, А.В. Стихотворения [Текст]. – М. : Тип. Семена, 1864. – 97 с.
4. Бабин, И.А. Описание рязанской выставки сельских произведений [Текст] // Записки Лебедянского общества сельского хозяйства. – М. : Унив. тип., 1851. – С. 31–45.
5. Баранович, М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния [Текст]. – СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1860. – 551 с.
6. Бутурлин, М.Д. Записки [Текст] : в 2 т. – М. : Русская усадьба : Любимая книга, 2006. – Т. 2. – 543 с.
7. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 55 ; Ф. 49. – Оп. 1. – Д. 174, 272 ; Ф. 869. – Оп. 1. – Д. 147, 595, 600, 601 ; Ф. 1317. – Оп. 1. – Д. 17, 18.
8. Грачёва, И.В. Жизнь рязанского купечества первой половины XIX века по запискам А.В. Антонова [Текст] // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / под ред. Б.В. Горбунова. – Рязань : РИРО, 2013. – Т. 34. – С. 50–54.
9. Грачёва, И.В. Наследие А.С. Пушкина в культурно-исторической жизни Рязани середины XIX века : поэзия А.В. Антонова [Текст] // Вестник РГУ. – 2015. – № 5. – С. 113–122.
10. Кусова, И.Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI – начала XX века [Текст]. – Рязань : Март, 1966. – 157 с.
11. Павлов, Н.Ф. Сочинения [Текст] / сост., авт. послесл. и примеч. Л.М. Крупчанинов. – М. : Советская Россия, 1985. – 304 с.
12. Полонский, Я.П. Лирика. Проза [Текст] / сост. В.Г. Фридлянд. – М. : Правда, 1984. – 607 с.
13. Седов, М.А. «Бездомная» дума: из истории рязанской городской недвижимости [Текст] // Пятые Яхонтовские чтения : материалы науч.-практ. конф. – Рязань : РИАМЗ, 2010. – С. 94–130.
14. Седов, М.А. Из прошлого городского парка [Текст] // Четвертые Яхонтовские чтения : материалы науч.-практ. конф. – Рязань : РИАМЗ, 2008. – С. 452–481.
15. Хвоцинская, Н.Д. Повести и рассказы [Текст] – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1963. – 510 с.

REFERENCES

1. Antonov, A.V. Basni [Text] : kn. 1–3. – Rjazan' : Gub. tip., 1867. – 152 s.
2. Antonov, A.V. Vecher na beregah Trubezha [Text] // Syn otechestva. – 1849, maj. – S. 1–2.
3. Antonov, A.V. Stihotvorenija [Text]. – M. : Tip. Semena, 1864. – 97 s.
4. Babin, I.A. Opisanie rjazanskoj vystavki sel'skih proizvedenij [Text] // Zapiski Lebedjanskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva. – M. : Univ. tip., 1851. – S. 31–45.
5. Baranovich, M. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami GenEral'nogo shtaba. Rjazanskaja gubernija [Text]. – SPb. : Tip. tov-va "Obshhestvennaja pol'za", 1860. – 551 s.
6. Buturlin, M.D. Zapiski [Text] : v 2 t. – M. : Russkaja usad'ba : Ljubimaja kniga, 2006. – T. 2. – 543 s.
7. Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti (GARO). – F. 9. – Op. 1. – D. 55 ; F. 49. – Op. 1. – D. 174, 272 ; F. 869. – Op. 1. – D. 147, 595, 600, 601 ; F. 1317. – Op. 1. – D. 17, 18.
8. Grachjova, I.V. Zhizn' rjazanskogo kupechestva pervoj poloviny XIX veka po zapiskam A.V. Antonova [Text] // Materialy i issledovanija po rjazanskomu kraevedeniju / pod red. B.V. Gorbunova. – Rjazan' : RIRO, 2013. – T. 34. – S. 50–54.
9. Grachjova, I.V. Nasledie A.S. Pushkina v kul'turno-istoricheskoi zhizni Rjazani serediny XIX veka : poezija A.V. Antonova [Text] // Vestnik RGU. – 2015. – N 5. – S. 113–122.
10. Kusova, I.G. Rjazanskoe kupechestvo. Ocherki istorii XVI – nachala XX veka [Text]. – Rjazan' : Mart, 1966. – 157 s.
11. Pavlov, N.F. Sochinenija [Text] / sost., avt. poslesl. i primech. L.M. Krupchaninov. – M. : Sovetskaja Rossija, 1985. – 304 s.
12. Polonskij, Ja.P. Lirika. Proza [Text] / sost. V.G. Fridljand. – M. : Pravda, 1984. – 607 s.

13. Sedov, M.A. "Bezdomnaja" duma: iz istorii rjazanskoj gorodskoj nedvizhimosti [Text] // Pjatye Jahontovskie chtenija : materialy nauch.-prakt. konf. – Rjazan' : RIAMZ, 2010. – S. 94–130.
14. Sedov, M.A. Iz proshlogo gorodskogo parka [Text] // Chetvertye Jahontovskie chtenija : materialy nauch.-prakt. konf. – Rjazan' : RIAMZ, 2008. – S. 452–481.
15. Hvoshhinskaja, N.D. Povesti i rasskazy [Text] – M. : Gos. izd-vo hudozh. lit., 1963. – 510 s.

I.V. Gracheva

RYAZAN IN A.V. ANTONOV'S VERSE

The article is the result of the author's analysis of the data stored in the State Archive of the Ryazan region. The analyzed data are associated with a Ryazan merchant A.V. Antonov's literary and social work. A.V. Antonov's manuscripts are the original drafts of his lyrics and fables (some of them are published, some are draft versions, and some were never meant to be published). A.V. Antonov's poetic descriptions focus on peoples' life in Ryazan of the mid-19th century, on provincial norms and conventions, on the influence of reforms on a provincial city life. These poetic descriptions reveal A.V. Antonov's individual perception of the world and his satirical talent. The analysis of A.V. Antonov's manuscripts is complicated by the fact that the majority of his contemporaries' names are coded and a researcher can only guess who is described and what situation is depicted. The archive data analyzed by the author have never been published.

A.V. Antonov, poetry, manuscript heritage, satirical motifs, Ryazan of the mid-19th century, provincial city life, sketches of contemporaries.